В. А. ПОССЕ.

Политическія слова, понятія и вещи.

ОЧЕРКЪ.

1906.

Тип. Монтвида, уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., домъ 3—5.

Политическія слова, понятія и вещи.

Помните сарказмы гетевскаго Мефистофеля въ отвѣтъ на выраженное ученикомъ желаніе изучать богословіе?

— „Я не желаю вводить васъ въ заблужденіе“,— говоритъ добросовѣстный чортъ.—„Въ этой наукѣ такъ трудно избѣжать ложнаго пути, въ ней столько скрытаго яда, и его едва-ли отличишь отъ лекарства. Самое лучшее и здѣсь слушаться лишь одного и брать на вѣру слова учителя. Въ общемъ—держитесь словъ! Тогда придете черезъ вѣрныя двери прямо въ храмъ увѣренности.

— Но все же, —замѣчаетъ ученикъ, - у слова должно быть понятіе.

— Пусть такъ! — успокаиваетъ Мефистофель. — Но только не надо быть здѣсь слишкомъ боязливымъ; такъ какъ, вѣдь, гдѣ не хватаетъ понятія, тамъ во время вставляется слово. Съ словами можно прекрасно спорить, изъ словъ систему строить, въ слова прекрасно можно вѣрить, отъ слова іоты нельзя отнять!“

Если бы теперь къ Мефистофелю явился за совѣтомъ какой-нибудь „ученикъ“, то, навѣрное, выразилъ бы желаніе изучать не богословіе, а „политику“. Нынѣ, вѣдь, всѣ „ученики“, въ томъ числѣ и тѣ, которые въ 90-хъ годахъ надѣлали столько хлопотъ покойному Н. К. Михайловскому, стали „политиками“.

Но Мефистофель, если только онъ не сдѣлался „діалектикомъ“ и не превратился въ свою противоположность, навѣрно, сказалъ бы по адресу „политики“ нѣчто очень сходное съ тѣмъ, что когда-то онъ говорилъ по адресу богословія; только его сарказмы были бы, вѣроятно, еще ядовитѣе...

Умный чортъ долженъ видѣть, какъ ловко въ „политикѣ“ слова отдѣляются отъ понятій, а понятія отъ вещей или дѣйствительности. Слова и понятія здѣсь настоящіе хамелеоны, поминутно мѣняющіе свою окраску въ рукахъ ловкихъ политическихъ маговъ. Изъ словъ и понятій составляются красивыя гирлянды, горящія всѣми цвѣтами радуги и ослѣпляющіе глаза „учениковъ“, такъ что они не замѣчаютъ дѣйствительности, которая, увы, повсюду сѣра и мрачна, какъ бы ни были красивы политическія хитросплетенія.

Въ „политикѣ“ каждое слово своего рода „металлъ“, которымъ въ „Тяжелыхъ Дняхъ“ Островскаго хитроумный стряпчій Харлампій Харлампіевичъ пугалъ московскихъ купчихъ, показывая разнообразные „смыслы“ „металла“. Съ одной стороны—„презрѣнный металлъ“; съ другой „металла звонъ, глаголъ временъ“ и т. д.

Главнѣйшимъ политическимъ „металломъ“ является несомнѣнно государство. Въ немъ душа политики. И кого, какъ не Гегеля, пригласить для перваго сеанса престиджигитаціи съ этимъ металломъ... то, бишь, государствомъ.

Гегель до сихъ поръ для большинства учениковъ остается авторитетомъ не то что подавляющимъ, а прямо таки убійственнымъ. Хлопнетъ ученикъ Гегелемъ, и противникъ лежитъ мертвымъ, а самъ ученикъ, совершивъ діалектическое сальтомортале, снова стоитъ на ногахъ и улыбается.

Для Гегеля государство—„нравственный организмъ“,

„всеобщая воля“, „объективный духъ“, „царство свободы“, „высшая изъ всѣхъ цѣлей, цѣль въ себѣ, самоцѣль и конечная цѣль“. Оно, по его словамъ, „богатое расчлененіе нравственнаго міра, архитектоника міровой разумности, которая порождаетъ силу цѣлаго изъ гармоніи его членовъ путемъ яснаго раздѣленія круговъ общественной жизни и ихъ правъ, а также путемъ строго размѣренныхъ соотношеній каждой колонны, арки и контрфорса“...

Видите, какъ красиво здѣсь сплетены между собою слова безъ понятій и понятія безъ словъ, но самой „вещи“, самой дѣйствительности совершенно не видно.

А „вещь“, прикрытая этою гирляндою словъ, была Пруссія 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, Пруссія, которую Гегель скромно называетъ „государствомъ, основанномъ на разумѣ“ и даже лежащимъ въ центрѣ „разумной части земли“.

Правда, нѣсколько раньше, именно во время битвы подъ Іеной, восторги Гегеля направились не на побѣжденную Пруссію, а на побѣдителя Наполеона I.

О немъ онъ говоритъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ о государствѣ вообще. Наполеонъ I для него „міровая душа“. При видѣ Наполеона онъ испытываетъ чувство восторженнаго удивленія. Еще бы! Такой маленькій человѣкъ, „сидитъ на лошади“ и въ то же время „повелѣваетъ и управляетъ міромъ“.

Гегель чувствовалъ, что Наполеонъ I—прямой наслѣдникъ Людовика XIV, что онъ думаетъ совершенно то же, что Людовикъ сказалъ ясно и просто, а именно: „Государство это—я“.

Здѣсь нѣтъ гирлянды красивыхъ словъ, нѣтъ „нравственнаго организма“, „всеобщей воли“, „архитектоники разумности“, но здѣсь ясно видна связь между словомъ, понятіемъ и вещью.

Между Людовикомъ XIV и Наполеономъ I лежитъ

„великая французская революція“ съ ея „единой нераздѣльной республикой“, съ ея вождемъ Робеспьеромъ, но въ отношеніи къ государству „единая нераздѣльная республика“ является не пропастью, а звеномъ между абсолютной монархіей Людовика XIV и „народной“ имперіей Наполеона I. Людовикъ XIV, Робеспьеръ и Наполеонъ I—носители одного и того же государственнаго принципа, но у двухъ послѣднихъ онъ прикрытъ словами о народномъ суверенитетѣ, всенародномъ благѣ, прикрытъ словами, отдѣленными и отъ понятій, и отъ вещей.

Людовикъ, Робеспьеръ и Наполеонъ были носителями одного и того же принципа государственной централизаціи съ безусловнымъ авторитетомъ и безграничной свободой воли для сконцентрированной власти и полною безгласностью и подчиненіемъ для народной массы. Робеспьеръ былъ Людовикомъ XIV въ скромномъ буржуазномъ сюртукѣ, Наполенъ I былъ „Робеспьеромъ на конѣ“, какъ выражались якобинцы, перешедшіе на сторону имперіи. Изъ якобинцевъ, главнымъ образомъ, образовалась наполеоновская бюрократія, восклицавшая вслѣдъ за императоромъ, что „имперія—это революція, имперія—это демократія“.

Монархія, республика и имперія одинаково были государствомъ, были властью не народа, а надъ народомъ. Кстати сказать въ „прогрессивныхъ кругахъ“ до сихъ поръ считается „неудобнымъ“ критически относиться къ великой французской революціи, учителя и ученики до сихъ поръ восторгаются Робеспьеромъ и терроромъ французскихъ революціонеровъ. Они не хотятъ знать „всей правды и только правды“ о французской революціи и ея вожакахъ, какъ они не хотятъ знать сами и не хотятъ, чтобы знали другіе „всей правды и только правды“ о современныхъ порядкахъ въ „свободныхъ“ странахъ.

Пусть народъ знаетъ красивыя политическія слова, но онъ не долженъ знать, что въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ чуть не ежедневно сжигаютъ живыми негровъ въ присутствіи элегантной и не элегантной публики, что тамъ *фактически* существуетъ цензура, что во Франціи „молодцы Лепина“ расправляются съ безоружными демонстрантами самымъ варварскимъ образомъ, что въ Швейцаріи половина рабочаго населенія, состоящая изъ иностранцевъ, лишена всѣхъ правъ и отдана на произволъ властей и т. д.

Все это опасно знать, все это будто бы мѣшаетъ воспитанію народа въ прогрессивномъ направленіи.

Между тѣмъ для истиннаго воспитанія народа въ прогрессивномъ направленіи *всюду и всегда* нужно говорить ему *всю* правду и *и только* правду.

Сообщайте точные факты, считаясь только съ ихъ объективной важностью и цѣнностью, поставьте эти факты въ причинную связь и для воспитанія народа въ прогрессивнымъ направленіи вы сдѣлаете этимъ больше, чѣмъ выкрикиваніемъ самыхъ громкихъ революціонныхъ фразъ. И, говоря офранцузской революціи, не забывайте закона 14 іюня 1791 года, запрещавшаго подъ страхомъ суровыхъ наказаній рабочіе союзы и стачки, не забывайте закона 22 преріаля, лишавшаго обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ самыхъ элементарныхъ правъ защиты, не забывайте, что, говоря словами Олара, терроръ послѣ 22 преріаля былъ „избіеніемъ виновныхъ и невинныхъ, избіеніемъ, достойнымъ инквизиціи и лишеннымъ всякаго оправданія въ глазахъ историка, такъ какъ успѣхъ національной защиты былъ тогда уже обезпеченъ“, не забывайте знаменитаго якобинца Кофеналя, который на просьбу великаго ученаго Лавуазье отсрочить его казнь на 4 недѣли для окончанія важнаго открытія отвѣтилъ: „намъ не нужно ученыхъ“; не забывайте, что въ Парижѣ въ разгаръ тер-

рора среди 2750 жертвъ гильотины было 2100 бѣдняковъ: безвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, швей, прачекъ и т. д.; не забывайте отвѣта рабочихъ агентамъ Робеспьера: „мы умираемъ отъ голода, а вы хотите насъ накормить казнями“.

Все это факты, *несомнѣнные* факты, и ихъ необходимо поставить въ причинную связь съ „революціонными“ войнами Наполеона I, во время которыхъ на поляхъ битвы погибло около 2 милльоновъ цвѣта французскаго народа и столько же „враговъ“.

Само собой разумѣется, что и при Людовикѣ XIV, и при Робеспьерѣ, и при Наполеонѣ I люди умирали на эшафотѣ и на полѣ битвы... въ „государственныхъ интересахъ“.

Гегель, выясняя значеніе государства, доказываетъ, что „долгъ правительства обязываетъ его отъ времени до времени обновлять и освѣжать здоровье народа потрясеніями войны, чтобы жизнь цѣлаго не застаивалась, какъ въ болотѣ, а продолжала свое теченіе“.

Для этихъ государственныхъ войнъ нужна и особая государственная храбрость, которую Гегель называетъ абстрактною.

„Принципъ современнаго міра *мысль и всеобщее*, придалъ—говоритъ онъ—храбрости высшую форму; этотъ принципъ изобрѣлъ огнестрѣльное оружіе: изобрѣтеніе его, вовсе неслучайное, превратило чисто личную храбрость въ абстрактную“.

Эта „абстрактная“ храбрость нѣчто совершенно иное, чѣмъ „личная отвага“, она „требуетъ—говоритъ Гегель—совершеннаго повиновенія и отреченія отъ собственнаго мнѣнія, отсутствія собственнаго духа и въ то же время самаго интенсивнаго и широкаго присутствія духа и рѣшимости въ моментъ необходимости, самой враждебной и въ тоже время личной борьбы

противъ особей при совершенно равнодушномъ и даже благосклонномъ отношеніи къ нимъ, какъ къ особямъ".

На такую храбрость способно, по Гегелю, лишь „*сознаніе благородное*", ибо только оно ставитъ единственною своею цѣлью съ покорностью и услужливостью отдаться государственной власти, быть всегда готовымъ принести себя для нея въ жертву.

Государство держится только подданными съ благороднымъ сознаніемъ, такъ какъ „низменное сознаніе видитъ въ государственной власти лишь оковы и притѣсненіе, служитъ противъ воли, покоряется понуро и всегда готово къ возстанію".

Опираясь на „благородное сознаніе" подданныхъ государственная власть возвышается, олицетворяется, превращается въ абсолютнаго властителя, встрѣчаетъ поклоненіе, какъ земное божество... Подданные съ благороднымъ сознаніемъ возвышается въ то же время до отчужденія отъ самого себя, до жертвы своимъ я, т. е. до „героизма службы", который свое высшее завершеніе находитъ, по Гегелю, въ „героизма лести".

„Такимъ образомъ—справедливо умозаключаетъ Гегель—тенденція государственной власти быть властью неограниченнаго монарха, становиться неограниченною; языкъ лести возводитъ ее на степень всеобщности".

Другими словами высшимъ государственнымъ принципомъ является принципъ Людовика XIV: „государство—это я".

Идею государства Гегель связываетъ съ идей богатства. Богатство, какъ и государство, является силою дѣйствительности, совпадающей съ разумомъ; богатство, какъ и государство, держится „сознаніемъ благороднымъ", которое испытываетъ къ нему благодарность, въ то время какъ „сознаніе низменное" принимаетъ благодѣянія богатства, какъ „преходящія и презрѣнныя наслажденія".

Богатсво повышаетъ представителей крупнаго землевладѣнія, составляющихъ „субстанціональное сословіе естественной нравственности“, до государственной власти.

Они какъ бы „монархи среди народа“, они „призваны и уполномочены служить поддержкой трону и обществу“.

Ученикъ Гегеля Фердинандъ Лассаль, тоже горячій поклонникъ государства, старался связать его „идею“ не съ богатствомъ, а съ бѣдностью, онъ старался связать идею государства съ идеей четвертаго сословія.

Для Лассаля государство не менѣе, чѣмъ для Гегеля,—„метала звонъ, глаголъ временъ“. Защищая государственную идею отъ нападокъ либераловъ, Лассаль радуется, что „античное образованіе, ставшее непреходящимъ основаніемъ нѣмецкаго духа“ не дастъ угаснуть въ германскомъ народѣ сознанію, что „государство есть учрежденіе, въ которомъ должны осуществляться всѣ добродѣтели человѣчества“.

Въ „Программѣ работниковъ“ онъ заявляетъ, что „цѣль государства—привести человѣческое существо къ тому, чтобы оно положительно развернулось и прогрессивно развивалось, другими словами образовать человѣческое назначеніе—т. е. культуру, къ которой способенъ человѣческій родъ, въ дѣйствительное бытіе; оно является воспитаніемъ и развитіемъ человѣческаго рода къ свободѣ“.

„Вотъ—добавляетъ онъ—дѣйствительная нравственная природа государства, м.м. г.г., вотъ его истинная и высшая задача. И это настолько вѣрно, что эта задача во всѣ времена силою самихъ вещей болѣе или менѣе выполнялась государствомъ, даже безъ его воли, даже безсознательно, даже противъ воли его руководителей“. Въ своей послѣдней защитительной рѣчи Лассаль обращается къ берлинскимъ коронным судьямъ,

этимъ типичнымъ бюрократамъ, какъ къ своимъ союзникамъ въ борьбѣ съ „варварами“, не признающими великаго значенія государства.

Онъ восхваляетъ берлинскихъ судей-бюрократовъ за то, что они не принадлежатъ къ „тѣмъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не ту или другую государственную форму, но государство вообще и которые, какъ они неоднократно ясно сознавались, лучше всего желали бы отмѣнить всякое государство; юстицію и полицію продать съ молотка наименѣе требовательнымъ, войну предоставить вести акціонернымъ обществамъ, чтобы нигдѣ во всемъ цѣломъ не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда можно было бы оказать сопротивленіе ихъ вооруженному капиталами стремленію къ эксплуатаціи“. „Какъ не велики различія, раздѣляющія насъ съ вами, м.м. г.г.—торжественно заявляетъ онъ совѣтникамъ берлинской судебной палаты, — но по отношенію къ этому разложенію и уничтоженію всего нравственнаго мы стоимъ рука объ руку. Древній огонь Весты, государство я защищаю съ вами противъ этихъ современныхъ варваровъ“.

Такимъ образомъ идею государство Лассаль связывалъ съ одной стороны съ идеей четвертаго сословія, съ другой стороны съ идеей прусской судебной палаты.

Идея государство толкала его и къ Бисмарку, который въ періодъ торжества политики „желѣза и крови“ несомнѣнно думалъ: „государство это—я“ *).

---

*) Въ 40-хъ годахъ бѣдный „юнкеръ“ Отто фонъ Бисмаркъ былъ, правда, очень невысокаго мнѣнія о бюрократіи, а, слѣдовательно, и о государствѣ, неразрывно съ нею связанномъ.

„У бюрократіи—писалъ онъ „юнкеру“ Вагнеру — и голова, и члены изъѣдены ракомъ, у ней здоровъ только желудокъ, и законодательные экскременты, которые она выбрасываетъ изъ себя,— самое естественное г.... въ мірѣ“.

Государство или Бисмаркъ должны были помочь четвертому сословію освободиться и осуществить его общечеловѣческую идею.

Во имя интересовъ четвертаго сословія и священнаго огня Весты Лассаль незадолго передъ смертью старался ускорить наступленіе эры „благодѣтельныхъ войнъ“ или, что то же, „желѣза и крови“. Онъ всѣми силами старался побудить гамбургскихъ рабочихъ принять резолюцію, побуждающую Бисмарка присоединить къ Пруссіи Шлезвигъ и Гольштинію, не считаясь съ протестомъ Австріи, что неминуемо должно было повести къ войнѣ.

Однимъ словомъ Лассаль былъ самымъ ярымъ государственникомъ, и вліяніе идей четвертаго сословія не могло вполнѣ освободить его отъ государственныхъ идей Гегеля. Лассаль относился къ своему „учителю“ слишкомъ почтительно.

Другой знаменитый гегельянецъ Карлъ Марксъ отнесся къ своему учителю крайне непочтительно: онъ перекувырнулъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ и подъ вліяніемъ идей четвертаго сословія почти совершенно освободился отъ идей государственныхъ. Для него, какъ онъ заявляетъ въ „Гражданской войнѣ“, государство—„машина для сословнаго господства“, оно „паразитъ, питающійся соками общества и мѣшающій ему свободно двигаться“ и т. д.

Не менѣе отрицательно относится къ государству и вѣрный спутникъ Карла Маркса Фридрихъ Энгельсъ, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“ доказываетъ, что государство явилось слѣдствіемъ раздѣленія общества на господъ и рабовъ, имущихъ и неимущихъ, что оно создалось, какъ особая, отдѣленная отъ народной массы, организація для поддержанія по-

рядка, т. е. повиновенія порабощенныхъ поработителямъ.

Въ предисловіи къ „Гражданской войнѣ“, несомнѣнно имѣя въ виду „гегельянцевъ“ и „лассальянцевъ“, Энгельсъ предостерегаетъ рабочихъ отъ увлеченія „философскимъ предразсудкомъ на счетъ государства“. предразсудкомъ, который „особенно у нѣмцевъ, изъ философскихъ кружковъ проникъ въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ“.

„Философъ—пишетъ Энгельсъ—представляетъ себѣ государство, какъ „осуществленіе идеи“ или, какъ переведенное на философскій языкъ царство божіе на землѣ, какъ область, въ которой господствуетъ или должна господствовать вѣчная истина и справедливость. Изъ этого проистекаетъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему тому, что такъ или иначе связано съ государствомъ, почтеніе тѣмъ болѣе прочное, что люди уже съ колыбели проникаются убѣжденіемъ въ невозможности удовлетворить общественныя нужды и потребности иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. посредствомъ государства и его чиновниковъ. Иной воображаетъ себя Богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отказывается отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики.

Въ дѣйствительности же государство въ демократической республикѣ не меньше, чѣмъ въ монархіи,—лишь машина для угнетенія одного класса другимъ; въ самомъ лучшемъ случаѣ, оно—зло, которое перейдетъ по наслѣдству къ побѣдоносному въ классовой борьбѣ пролетаріату, и отъ худшихъ сторонъ котораго надо будетъ, по примѣру коммуны, какъ можно скорѣе избавиться въ ожиданіи того времени, когда новое, выросшее въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ

поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь".

Но, замѣчательно, что, не смотря всѣ эти столь нелестныя для государства разсужденія, Энгельсъ и почти всѣ мыслители его направленія, видятъ все же въ государствѣ могучій рычагъ для превращенія современнаго буржуазнаго строя въ строй соціалистическій.

„Машина для угнетенія одного класса другимъ" оказывается единственнымъ средствомъ для уничтоженія классовъ вообще, для установленія царства свободы и справедливости.

„Паразитъ, питающійся общественными соками", превращается въ ангела-спасителя всего человѣчества.

Изъ представителя угнетающаго класса государство, по увѣренію Энгельса въ его „Анти-Дюрингѣ", сразу „становится представителемъ всего общества"; какъ таковое, оно захватываетъ въ собственность средства производства и затѣмъ (вѣроятно отъ чрезмѣрнаго напряженія) постепенно умираетъ.

Эта государственная „антиномія" особенно ярко проявляется въ произведеніяхъ Карла Каутскаго.

Каутскій въ своихъ „замѣчаніяхъ на проектъ партійной программы", появившихся въ „Die Neue Zeit" въ 1891 году, отождествляетъ понятіе государство съ понятіемъ бюрократія.

„За мистическимъ понятіемъ государство, о которомъ юристы умѣли говорить лишь хорошее, скрывалось—пишетъ онъ — нѣчто вполнѣ реальное, именно тотъ классъ, который рекрутируется изъ юристовъ, именно *бюрократія*, охранявшая интересы всѣхъ господствующихъ классовъ въ ихъ цѣломъ".

Наряду съ этимъ въ той же статьѣ Каутскій утверждаетъ, что „неизбѣжной необходимостью для пролетаріата" является „заставить государственную власть служить своимъ интересамъ".

Пролетаріатъ „долженъ поэтому — говоритъ онъ далѣе--организоваться, какъ самостоятельная политическая партія, задача которой въ охранѣ его интересовъ въ государственной жизни и которая должна поставить своею конечною цѣлью завоеваніе государства. этого самого сильнаго и единственно достаточнаго рычага для совершенія перехода средствъ производства въ общую собственность".

Итакъ соціалистическій переворотъ совершается при посредствѣ бюрократіи!

Лѣтъ черезъ 10 послѣ этой статьи въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ", повторяя снова, что „государство—самый могучій рычагъ для уничтоженія капиталистической системы", Каутскій добавляетъ, что „само собою разумѣется", полицейское и военное государство должно быть превращено въ государство культурное.

Но, вѣдь, и Каутскій, и его учители, и его товарищи и ученики постоянно повторяли и повторяютъ, что сущность государства именно въ его полицейскихъ и военныхъ функціяхъ. Уничтоженіе этихъ функцій будетъ не превращеніемъ, а уничтоженіемъ государства.

Но, если принять, что государство „возвысится" и станетъ носителемъ высшей культуры, то зачѣмъ же ему тогда умирать, какъ этого настоятельно хотятъ Марксъ, Энгельсъ и Бебель, съ которыми Каутскій старается всегда быть солидарнымъ?

И здѣсь споръ совсѣмъ „не въ словахъ", какъ любятъ говорить въ этомъ случаѣ. Здѣсь путаница понятій, подставленіе одного и того же слова для выраженія совершенно различныхъ понятій и вещей.

Не самъ ли Каутскій въ своихъ „замѣчаніяхъ на партійную программу" рѣзко и справедливо нападаетъ на тѣхъ, которые споръ о томъ, будетъ ли соціалистическое общество государствомъ или нѣтъ, называютъ праздным препирательствомъ изъ за словъ.

„Если бы это было вѣрно, тогда--говоритъ онъ--каждую попытку замѣнить неясныя понятія опредѣленными слѣдовало бы объявить праднымъ препирательствамъ изъ за словъ. Можно бы, напр., также и споръ о томъ, рыба-ли китъ или нѣтъ, назвать не имѣющимъ никакого значенія для естествознанія препирательствомъ изъ за словъ“

Разумѣется, дѣло не въ самомъ словѣ, вѣрнѣе не въ самомъ названіи. Можно было бы и организацію общежитія, гарантирующую свободу народа и личности, организацію, созданную исключительно въ высшихъ культурныхъ цѣляхъ, называть государствомъ, но тогда нельзя тоже названіе давать организаціи насилія меньшинства надъ большинствомъ, нельзя его давать той „вещи“, которую Марксъ опредѣляетъ какъ „паразита, высасывающаго общественные соки“.

Если считать, что государство спеціально приспособлено для угнетенія и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, то на него нельзя расчитывать, какъ на орудіе освобожденія отъ этого угнетенія и эксплуатаціи; но это отнюдь не значитъ, что слѣдуетъ впасть въ такъ называемый анархизмъ, отрицающій всякую политическую организацію общества, отрицающій право общежитія издавать постановленія, обязательныя для всѣхъ сочленовъ его, отрицающій, однимъ словомъ, всѣ законы.

Можно не быть „государственникомъ“ и въ то же время признавать необходимость и законовъ, и судовъ, признавать необходимость извѣстнаго принужденія со стороны коллективной воли общества по отношенію къ волѣ отдѣльнаго члена его во имя огражденія болѣе слабыхъ „личностей“ отъ насилія болѣе сильныхъ.

Анархизмъ потому такъ не реаленъ, что онъ понимаетъ „неприкосновенность личности“, какъ ограждение ея отъ принужденія общества, слишкомъ абсо-

лютно, не замѣчая, что онъ тѣмъ самымъ оставляетъ личность болѣе слабаго на произволъ болѣе сильнаго. Надо помнить, что практически приходится имѣть дѣло не съ „личностью“, а съ лицами, изъ которыхъ одни нарушаютъ „неприкосновенность“ другихъ.

Но, если „неприкосновенность личности“ не можетъ быть абсолютной, то, съ другой стороны, и коллективная или народная воля не должна быть признаваема абсолютно свободной, не должна быть коллективнымъ или народнымъ *произволомъ*. Въ общежитіи, ставящемъ своею цѣлью всестороннее развитіе физическихъ и духовныхъ силъ каждаго своего сочлена, народная воля обязательно должна быть ограничена гарантіями личной свободы.

Эти гарантіи состоятъ изъ безусловной свободы слова, печати, совѣсти, союзовъ и собраній, передвиженія. Къ нимъ же относится неприкосновенность жилища и точно установленныя условія, при которыхъ допускается арестъ того или другого лица.

Не менѣе важную роль, конечно, играетъ и то, чтобы сама коллективная воля являлась дѣйствительно суммою свободно проявленныхъ воль отдѣльныхъ членовъ общежитія, а не подмѣнивалась бы волею меньшинства или отдѣльныхъ лицъ въ родѣ Робеспьера или Наполеона. Сюда относятся вопросы о представительномъ правленіи и народномъ законодательствѣ, разборъ которыхъ читатель найдетъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Библіотеки Рабочаго“. Теперь же вернемся снова къ вопросу о судьбѣ государства.

По Энгельсу, Каутскому и др., государство, какъ мы видимъ, сначала возвышается, усиливается, совершаетъ великій общественный переворотъ и затѣмъ быстро умираетъ или „отмираетъ“ (stirbt ab), какъ выражается авторъ „Анти-Дюринга“.

Въ дѣйствительности государство, если его пони-

мать такъ, какъ понимаютъ Марксъ, Энгельсъ, Бебель, Каутскій и др., „отмираетъ“ уже теперь. Каждое новое демократическое завоеваніе является его „отмираніемъ“, и въ этомъ „отмираніи“ одно изъ условій общественнаго развитія.

Государство ослабляется развитіемъ свободныхъ демократическихъ учрежденій и въ то же время вытѣсняется развивающимся мѣстнымъ самоуправленіемъ и всевозможными свободными союзами и сообществами, каковы, напр., рабочіе синдикаты, кооперативы и пр. Мѣстное самоуправленіе многіе причисляютъ къ государству. Такъ, напр., Н. Н. Лазаревскій въ сборникѣ, посвященномъ „Мелкой земской единицѣ“ даетъ ему такое опредѣленіе:

„Самоуправленіе есть завѣдываніе государствомъ черезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами мѣстнаго государственнаго самоуправленія“.

Н. Н. Лазаревскій приходитъ къ такому заключенію потому, что въ своей статьѣ больше оперируетъ съ юридическими терминами, чѣмъ съ фактами жизни, которыхъ такъ много собрано въ другихъ статьяхъ того же сборника.

Почти всѣ статьи сборника „Мелкая земская единица“ какъ бы возстаютъ противъ трижды государственнаго опредѣленія, которымъ Лазаревскій награждаетъ мѣстное самоуправленіе.

Внимательно изучая развитіе мѣстныхъ самоуправленій въ различныхъ странахъ, можно замѣтить, что въ противоположность „органамъ государственнымъ“ они все болѣе становятся носителями культурныхъ интересовъ населенія.

Въ этомъ отношеніи Каутскій въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ“ совершенно справедливо указываетъ, что въ то время, какъ средства господства неуклонно централизировались въ государствѣ, культурныя за-

дачи въ значительной степени оставались децентрализованными въ общинахъ и округахъ, т. е. въ мѣстномъ самоуправленіи.

Общинное, какъ городское, такъ и сельское управленіе, слишкомъ тѣсно связано со *всѣмъ* населеніемъ, съ его насущными интересами и нуждами, оно слишкомъ *близко* къ нему, чтобы изъ него можно было сдѣлать органъ исключительно классового господства.

Мѣстнымъ самоуправленіямъ повсюду приходится вести борьбу съ государственною властью, причемъ во многихъ мѣстахъ мѣстныя самоуправленія начинаютъ такъ сказать „соціализироваться“, подготовляя, какъ выражается Бебель, „соціализацію“ всего общества.

Возьмите исторію мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Лѣтъ 50 тому назадъ Марксъ говорилъ объ англійскомъ мѣстномъ самоуправленіи, какъ „о дополненіи къ центральнымъ государственнымъ органамъ, дополненіи, состоящемъ изъ продажныхъ приходскихъ собраній, корыстныхъ городскихъ совѣтовъ, свирѣпыхъ попечителей бѣдныхъ въ городахъ и наслѣдственныхъ мировыхъ судей въ деревняхъ“.

Въ настоящее время мы видимъ въ Англіи не мало городскихъ совѣтовъ, упорно борющихся съ корыстолюбіемъ капиталистовъ, которыхъ поддерживаетъ государство.

Извѣстный знатокъ мѣстнаго самоуправленія К. Гуго *) рядомъ примѣровъ показываетъ, какъ часто парламентъ со своею законодательною властью вмѣшивался въ борьбу мѣстныхъ самоуправленій съ частными компаніями, „принося общественные интересы въ жертву вліятельнымъ группамъ частныхъ лицъ“, онъ показываетъ далѣе, что мѣстному само-

*) См. К. Гуго „Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи“, Изд. тов. „Знаніе“.

управленію, удовлетворяющему насущныя нужды всего населенія, въ концѣ концовъ все же удается выходить изъ этой борьбы побѣдителемъ.

„Борьба между частными предпринимателями, которымъ ихъ монопольныя предпріятія—пишетъ Гуго—обезпечиваютъ богатый и вѣрный источникъ дохода, и городскими самоуправленіями продолжается часто очень долго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тянется цѣлыя десятилѣтія, но всегда кончается побѣдою послѣднихъ".

Нѣкоторыя городскія самоуправленія, напр., Глазговское, по утвержденію Гуго, въ своей дѣятельности руководятся двумя принципами: „самой широкой муниципализаціей частныхъ предпріятій, носящихъ монопольный характеръ и управленіемъ ими въ интересахъ общества, а не съ цѣлью извлеченія несправедливыхъ барышей, способствующихъ низкому размѣру общинныхъ налоговъ".

„Шагъ за шагомъ города вытѣсняютъ частную предпріимчивость и постепенно обращаютъ въ свою собственность (муниципализируютъ) водо- и газо-снабдительныя сооруженія, городскія желѣзныя дороги, базары, бани, прачешныя и пр.

Располагая производительными силами, развившимися благодаря частной предпріимчивости, и, превосходя ее единствомъ плана и размѣромъ своихъ средствъ, городское самоуправленіе успѣшно доминируетъ во всей области удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Начинаютъ возникать и муниципальныя мастерскія для уничтоженія такъ называемой „потогонной системы" труда. Въ этихъ мастерскихъ заработная плата и продолжительность рабочаго времени обыкновенно соотвѣтствуютъ нормамъ, установленнымъ рабочими союзами. Кромѣ того, сдавая работы подрядчикамъ, городскія самоуправленія нерѣдко ставятъ условіемъ,

чтобы рабочіе этихъ подрядчиковъ получали заработную плату не ниже извѣстной нормы и работали не больше опредѣленнаго числа часовъ.

Много интереснаго объ англійскомъ мѣстномъ самоуправленіи сообщаетъ и проф. П. Виноградовъ въ соотвѣтствующей статьѣ сборника „Мелкая земская единица".

Какъ особенно характерную черту англійскаго мѣстнаго самоуправленія, проф. Виноградовъ отмѣчаетъ то, что „органы и учрежденія возникаютъ въ мѣстной жизни вслѣдъ за потребностями и въ удовлетвореніе появившихся порознь потребностей". „Такимъ образомъ—добавляетъ онъ—мѣстное самоуправленіе XIX в. является въ истинномъ смыслѣ слова дѣтищемъ его соціальной политики".

Проф. Виноградовъ замѣчаетъ далѣе, что „нѣтъ недостатка въ признакахъ того, что низшіе классы, привыкшіе къ организаціи и самостоятельности въ своихъ религіозныхъ и промышленныхъ союзахъ, начинаютъ заботиться о своихъ мѣстныхъ интересахъ не только косвенно, путемъ выборовъ, но и путемъ непосредственнаго участія въ управленіи. Въ этомъ направленіи, повидимому, предстоитъ дальнѣйшее развитіе приходской единицы, наиболѣе доступной такому непосредственному воздѣйствію".

Признаковъ прямого воздѣйствія „низшихъ классовъ" на общественную жизнь путемъ участія въ мѣстномъ управленіи много не въ одной Англіи. Ихъ едвали еще не больше во Франціи и Бельгіи. Не даромъ Гуго-Линдеманъ, изучая мѣстное самоуправленіе въ различныхъ странахъ, приходитъ къ заключенію, что „ближайшее будущее прогресса зависитъ отъ развитія городского самоуправленія". Это, конечно, сильное увлеченіе, увлеченіе спеціалиста, но важно то, что развитіе

мѣстнаго самоуправленія ведетъ за собою ускореніе прогресса.

Но прогрессъ еще болѣе зависитъ отъ развитія рабочихъ союзовъ и сообществъ. Рабочіе синдикаты въ родѣ французскихъ, рабочіе кооперативы въ родѣ бельгійскихъ, съ ихъ знаменитыми „народными домами“, представляютъ изъ себя настоящія ячейки будущаго общества. Особенно интересна въ этомъ отношеніи „Всеобщая конфедерація труда“, организующая французскій рабочій классъ одновременно профессіонально и помѣстно, а затѣмъ объединяющая его въ одно цѣлое. Она не имѣетъ ничего общаго съ государствомъ и отодвигаетъ на задній планъ „соціалистическія“ партіи, имѣющія съ нимъ, пожалуй, слишкомъ много общаго,

Она является какъ бы новымъ обществомъ, зарождающимся въ лонѣ стараго. Она—общество въ обществѣ, какъ церковь во многихъ случаяхъ государство въ государствѣ. Она способствуетъ воспитанію новаго человѣка, человѣка-товарища, поглащающаго въ себѣ человѣка-эгоиста. Этотъ человѣкъ сумѣетъ быть *сознательной* частицей общей воли и не побоится подчиниться ея требованію, сохраняя въ то же время достоинство своей личности. Эти новые люди-товарищи воспитываются въ безпрерывной борьбѣ за жизнь и свободу, и они какъ бы осуществляютъ прекрасныя слова гетевскаго Фауста, освободившагося отъ Мефистофеля:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben
Der täglich sie erobern muss **).

---

*) Только тотъ заслуживаетъ какъ свободы, такъ и жизни, кто долженъ завоевывать ихъ каждый день.

Они, эти сознательные товарищи-труженники предстали передъ духовнымъ взоромъ Фауста, когда онъ понялъ „послѣднее слово мудрости“, понялъ, что трудъ и борьба создадутъ, наконецъ, „свободный народъ на свободной землѣ“ и воскликнулъ: „Прекрасное мгновенье, остановись!“